

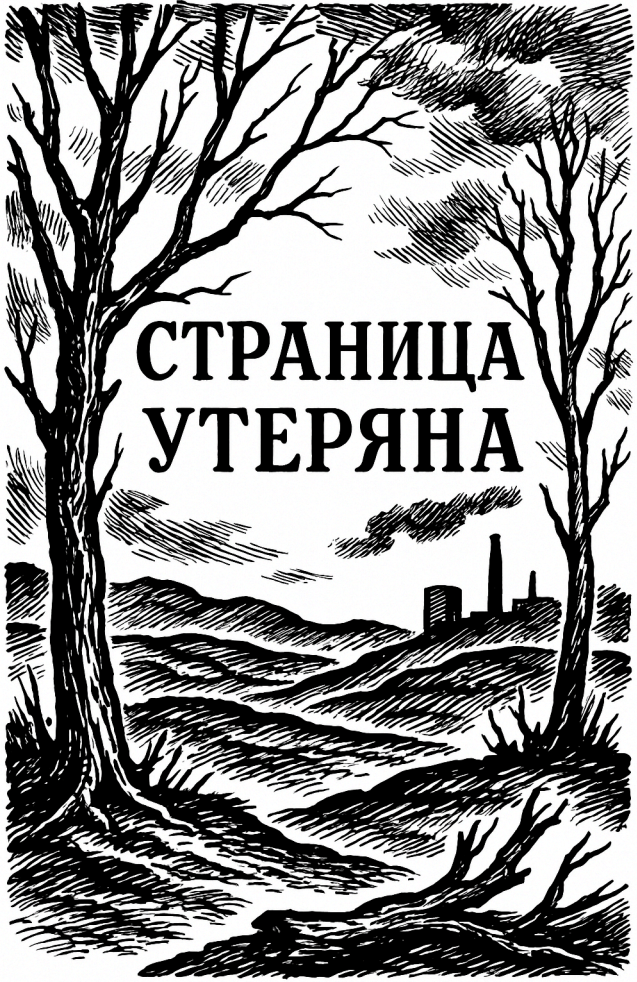
СОВРЕМЕННИК

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННИКА •

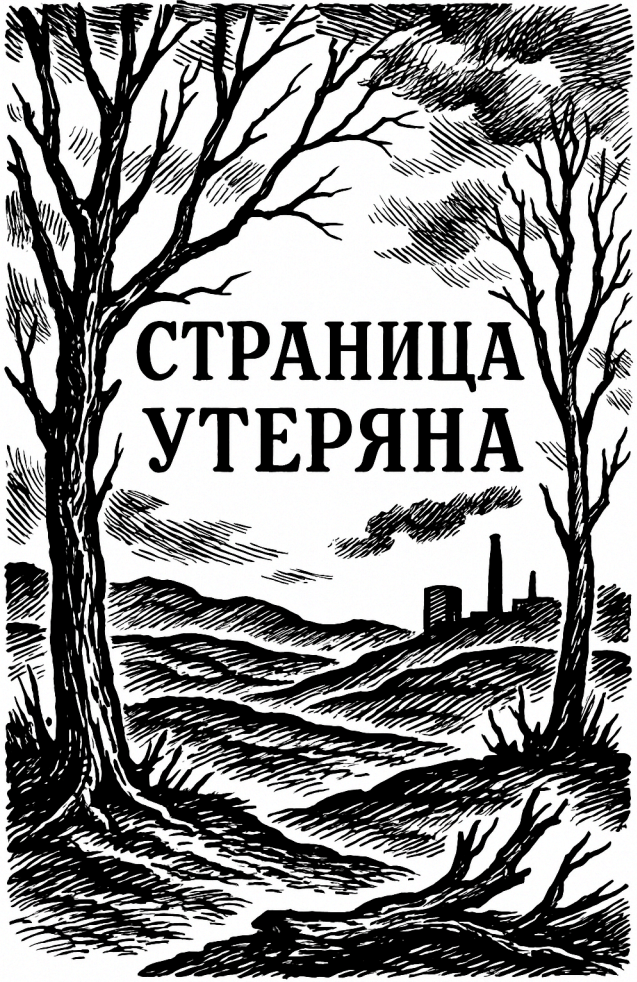

Михаил
Асламов

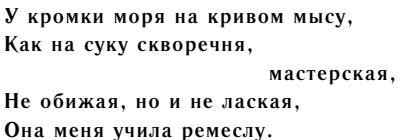
**ЗВЕЗДНЫЙ
СТВОР**

СТРАНИЦА УТЕРЯНА

СТРАНИЦА УТЕРЯНА

Царил тогда извечный сумрак в ней,
Как в бане той,
 что топится по-черному.
Гляделось солнце в окна закопченные
Луны не ярче — сменщицы своей.

**И было так нерадостно смотреть,
Как будто жизнь
 мне эти окна застили!
И, разозлясь, сказал я как-то мастеру,
Что хорошо бы
 окна протереть.**

И вот три смены — вдохновенно злой,
С ведром в руках и рукава по локоть —
Смывал я с окон
 вековую копоть,
Одаривая их голубизной.

**И солнце,
солнце удивило всех:
Оно винтом по цеху заходило!**

И токарей усталых молодило,
И с неохотой
покидало цех...

Вот так однажды,
сумраку назло,
С того и начал ремеслу учиться,
Что прежде окна
высветлил тряпицей,
Чтоб с солнцем побраталось ремесло.

I

Хроника памяти

1. Сторона дорогая моя...

Сторона дорогая моя, это ты ль?..
Здесь, где дожди мыли полынный пустырь,
Вместо изб-вековых скособоченных,
Совершенство домов шлакоблочных.

Все, что было, то сплыло, как смыла река...
Из-под наимоднейшего козырька
Клуб — преемник бараков прогорклых,
На окрестность взирает с пригорка.

И поселком родным я брожу, изумлен,
Только столб телеграфный от старых времен —
Долгожитель, безмерно уставший,
С поперечинкой, косо свисавшей.

На подпорке стоит инвалидом седым.
Я-то помню,

я помню его молодым!

Возбужденный струной напряженной,
Гулким раструбом вооруженный,

Он на всю-то округу и пел, и вещал,
И на тайные думы людей отвечал —

Над толпою, где хлебный ларечек
(Жив ли муж, а у этой — сыночек?..)

И старухи, не веря уже в ворожбу,
Стариков выгоняли: сходил бы к столбу!
И стекалось от шатких крылечек
У столба поселковое вече.

А слова — точно гири в толпу со столба!
И стонала от тяжких ударов толпа.
И стонала, и губы смыкала,
Так, что гневом душа закипала.

А потом — а потом ликования слова!
Словно птицы из щедрого рукава!
Победителей памятный митинг...
Вот какой этот столб знаменитый!

Столько видеть и слышать ему довелось!
Видно, время в его сердцеvine спеклось —
Коль дожил он до новоселов,
Не в пример одногодкам веселым.

А к столбу вдруг лихой сорванец подбежал,
Он в руке круглый камушек крепко держал —
И пристукнул небольно и глухо
По столбу и приник к нему ухом.

Стукнул снова и снова, чтоб гул не затих.
Изумленье пылает в глазах голубых,

Словно с ним собеседник занятый
Говорит, да язык непонятный.

— Что там слышно? — я спрашиваю врасплох.
Он глядит отрешенно, как будто оглох,
Или чем-то плохим укорили...
— Почему этот столб не спилили?

— У него и спроси, он и сам не немой, —
Я ответил.
А он мне: — Ты хи-и-трый какой!
Ты волшебник?
— Ну, да. Настоящий.
Покровитель столбов говорящих...

II. Так они и жили...

Какие мне, бывало, снились сны
Военною зимой перед рассветом!
В них таяли на языке конфеты
И мучило предчувствие весны.

Я в них парил над бездной, невесом,
Когда вдруг, сотрясая мирозданье,
Гудок врывался в мир без опозданья —
И чашкой об пол разбивался сон...

«Вставай, сынок», — зовет чуть слышно мать.
«Пора, работник!» — слышу бас отцовский.
И в полусне тяну к себе спецовку
И покидаю сладкую кровать.

И, окунаясь в новую беду,
Я правлю фронт на карте из картонки.
Лепешки из мороженой картошки
Сует мне мама в руки на ходу.

Метель метет — ни тропок, ни дорог!
К людской цепочке я бреду сквозь темень...
Обрадуюсь, идя в ряду со всеми,
И успокоюсь, запустив станок.

Мы точим мины — фронтовой заказ.
И про себя я начинаю думать —
Прикидываю, сколько может «сдунуть»
Фашистов мой один такой фугас.

Подсчет меня ужасно веселит!
Насвистываю что-то вдохновенно...
Но — как длинна ты, фронтовая смена!
И гнет она, и плакать не велит.

Но плачу я. В том нет моей вины,
Что щи пусты, а сам я — не двужильный!..
Вот так они, мне помнится,
и жили,
Твои, Россия, малые сыны.

III. Подмостки

Мне первый токарный станок
Никак не хотел покоряться:

К зажимам
 в мои-то тринадцать
С трудом дотянуться я мог.

И видя, что мал я и квел,
Завхоз сколотил мне подмости —
И с тем недотепу-подростка
Во взрослость достойно возвел...

Война ненасытный обряд
Творила кроваво и слепо.
Ей — вроде насущного хлеба
Сработанный мною снаряд.

Я раньше других уставал,
Был слабым, за то — не взыщите.
Но Родине был я защитник,
Когда на подмости вставал.

Мне ночь после смены — провал,
Как будто вконец обескровлен...
Но был я
 со временем вровень,
Когда на подмости вставал.

IV. Вспоминаю ту беду...

Вспоминаю ту беду...
А беда была такая:
Вдруг сгорела мастерская
У поселка на виду.

Прахом все пошло, золой.
Крыши нет, остались стены.
И поземкой
 год военный
По-над стылою землей.

Говорил без лишних слов
С нами начполитотдела:
Дескать, надо
 «дело делать»
И еще, что «фронт ведь ждет»!

Хоть и мал — беру в расчет:
Жди, пока накроют кровлю, —
Фронт за это время
 кровью
В ожиданье истечет...

Под рукой станок поет,
Он поел и сыто дышит...
Хорошо б, конечно, крышу,
А на бедность — доппаек.

По еде затосковал,
Зазевался — и в науку
«Приварил» к металлу руку —
Пальцы с кровью оторвал.

Мастер — ма-астер пожалеть!
Дал картошину: «Пожуй-ка!»

Как сейнер от пирса,
отчалил
От детства, но только — навек?

Хочу напроситься на жалость?
Но мне ль обижаться на то,
Что куцее детство досталось?!
Война
обрубила швартов.

Спасибо, что чашею бедствий
Судьба меня не обошла...
А в памяти кружится детство,
Как лодочка
 без весла.

И кружит ее, и заносит —
Такая большая вода! —
Из ранней весны
да и в осень,
Как это и было тогда.

И волны вздымаются круто,
И ветер призывно свистит,
И выпелом,
сорванным с юта.
Прощальная чайка летит.

✱

Ну, отстрелялись
и отголосили,
Закончилась проклятая война...
Но шла еще по матушке России
Последняя
убойная волна.

И докатилась...
Я поныне помню,
Как выскочил из дома сам не свой,
Когда неожиданно, резко
мякоть полдня
Рассек истошный голос ножевой.

Соседка наша...
Как же она билась
Безумно об ограду!
— Как мне жить!.. —
И рядом почтальонша суетилась,
К ней близко не решаясь подступить.

А день по-майски был такой погожий,
Кружилась в небе стая голубей.
И ввинчивался в небо крик:
— О, боже!
Зачем же так?! Убей меня, убей!..

...Вот кончится молчания минута,
Ракеты будут падать и кружить...
Но даже и победные салюты
Не в силах вдовьих криков
заглушить.

Весна восторженно и шало
Вступает в добрую игру.
Огни зеленого пожара
Из почек рвутся на ветру.

**И в разливное бездорожье
Уже спешат грузовики,
И зерна**
с верой в плодородье
Из щедрой сыплются руки.

**И не стоит на приколе
Шторами бредящим судам,
И молодой
 веселый колер
Старинным снится городам.**

В глазах, в воде
 дробится солнце
И просится на холст, на лист.
И где-то в темени оконца
Последний гибнет пессимист.

И сердце рвется беспокойно
Любить,
 работать,
 рисковать —
Жить так и ярко, и раздольно,
Как будто солнце рисовать!

Весна трубит, зовет:

— Не спите!

Тянитесь к солнцу из квартир!..

Ищите

солнечный эпитет,

Чтоб обозначить этот мир!

Мерная миля

У пирса стальная громада
В авральном разгаре работ.
Уже судовая команда
Хозяйски вступила на борт.

Уже уступает малярной
Монтажная наша страда.
В предчувствии спора с морями
Вибрируют нервно борта.

Но хмур
 наш ответственный сдатчик,
Глазищи суровой бойниц,
И радостям он не потатчик
Иных
 безответственных лиц.

Всем милям, скользящим под килем,
Что судно за годы пройдет,
Предшествует
 «мерная миля»,
И завтра — той мили черед.

Отрезок, означенный четко!
Что можешь — тут вынь да положь.
Тут ограничения — к черту!
Тут полную мощность даешь!

На полную!

Дрожь переборок,
Упруго рванется корабль.
И стрелкам бесстрастных приборов
Оправдывать нас и карать...

Пока же восторгам умильным
Еще не приспела пора:
Не пройдена
мерная миля,
Не мерены килем моря.

Ремесло

Был токарь я — не из плохих,
Хотя успел немного.
Но знал я мастеров таких —
Воистину от бога!

В ту пору — вот ведь был момент! —
В обход инструментальной
Себе ковали инструмент
Из стали самокальной.

И вот, какой ни молодец —
Смекалист, ловок, точен, —
Но должен у тебя резец
Быть хорошо заточен.

Ты угол выдержи такой,
Чтоб режущая кромка
Снимала стружечку легко,
И весело, и тонко.

Чтоб ты почувствовал до дна,
Что — то и есть работа,
Когда и спорится она,
Да и к тому ж — без пота.

И я такую радость знал,
Вновь испытаю вряд ли,

Когда вдруг видишь, что металл
Сознательно податлив:

Мол, режь, но все-таки любя!
Я тоже поиграю —
Приятно видеть, как тебя
Красиво обдирают!

А после смены, как закон,
Резцы все — под замочек.
Не жаден мастер.
Просто он —
Воистину рабочий.

Он, хочешь, пустит все в обмен,
Поделится — чем хочешь.
Не жаден он.
А инструмент
Ты сам себе заточишь.

А если уж никак
не смог,
То стоишь ты немного.
Тебе поможет только бог,
Но высоко до бога.

Любите простые ремесла!
Рубанок бери не спеша,
Почуяв, что явно примерзла
К невидимой тверди душа.

И коль тебе некуда деться
С твоей мировой тоской,
То значит, пора разогреться,
Трудясь над кривою доской.

Пусть потом выходит хвороба,
По капле, на теплую гладь
Доски,
 что годится для гроба
Несчастьям, отхлынувшим вспять...

Пусть будет тоска тебе — пристань
Для малых, несуетных дел,
Что, в бытность свою оптимистом,
К душе подпускать не хотел.

Быть может, и мысли простые
Придут за простым ремеслом:
Мол, сам я себе опостылел,
Но только не рано ль на слом?

И может, под говор долотца
Тебе, нарушая запрет,

То самое вдруг
отзовется,
Чему и названия нет?

И в ночь, засыпая со всхлипом,
В делах непривычных разбит,
Ты вздрогнешь от дальнего скрипа:
Не ось ли земная скрипит?

Плановик

Та давняя пора
Авралов и запарок!
В ходу — выговора
И перегибы палок.

Полмесяца — плюем
Мы в потолок — не жалко!
Полмесяца — «куем»,
Да так, что небу жарко!

Так штурмовщина нас
Трепала год от году,
А мы — рабочий класс,
Нам подавай работу!..

Ах, этот плановик,
Чудак, по кличке Циркуль!
Он был для нас на вид
Смешней Попова в цирке.

Мы требовали жертв,
Суровые, как боги!

Он приходил — как жердь,
Сухой и длинноногий.

И слушал нас молчком,
Покачиваясь горько.
И по цехам — волчком:
Простаивает сборка!

Просил, кричал, страшал:
Детали нам, детали!
И полы от плаща
По-демонски витали...

Ругай его, жена:
Опять вернется поздно.
А на земле — весна
И вербой пахнут звезды.

Бегут, мелькают дни,
Как на толкучке лица.
«Как выросли они!» —
Он детям удивится.

Усталость — наповал,
Размягший, как вареник...
Жестоким был накал
Поры послевоенной!

А кто, скажите, мог
В ту пору жить иначе?..

И кто-то пережег
Себя в страде горячей.

Мы вспомнили о том,
Печалась — не печалась,
Когда с плановиком
Уже навек прощались.

В ночь, беззвездную, как бездна,
Снова вспомнил об отце...
Долго с ним перед отъездом
Просидели на крыльце.

Был еще он вроде б в силе,
Мирно трубочку курил.
Говорили, говорили...
Больше я все говорил.

Мне б тогда припасть сердечно:
Батя, мол, благослови!
Ну, а я ему — про вечность,
Про учености свои.

Меж речами златоуста
Уловив, однако, брешь,
Он сказал мне грустно-грустно:
— Ты, сынок, побольше ешь.

А не то, — добавил хмуро,
Прядь седую теребя, —
Эта самая культура
Паром выйдет из тебя...

Ну, молот я — вспомнить стыдно!
Больно метят нас года.

Он-то жил, хоть и несытно —
Не бахвалясь никогда.

Ставил срубы — глянуть любо!
Бога попусту не клял.
Сколько помню, словом грубым
Никого не оскорблял.

И, воспитывая сына,
Сам поднявшись из заплат,
Не жалел он керосина
И других каких затрат.

Так и жил — не для парада,
А для жизни в трудный век,
Потому как он, взаправду,
Был культурный человек...

Ночь замыла деревеньку,
Затуманила лицо...

...Поднимаюсь по ступенькам
На отцовское крыльцо.

Бира

Виктору Астафьеву

Засмущаясь в дороге прогонной,
Словно что-то исполнить пора,
Всякий раз, как в окошке вагонном
Обозначится имя — БИРА.

Что исполнить — давно мне известно,
Оттого и смутилась душа,
Что и ныне вот
данную местность
Проскачу, ненароком спеша.

И опять за делами своими
 Позабуду ее вдалеке,
 Вспоминая короткое имя
 В подорожном казенном листке...

Вот нагряну нежданно в отпуск,
Похожу от крыльца до крыльца,
Феофана Асламова отпрыск —
Может, кто-нибудь помнит отца?

Может, помнят?..

Прошло столько лет уже!

Да и жил он — как будто в гостях:
Рвался к морю, да баба последышем
Разрешилась в пути, второпях.

Ах, отцы!

Точно шанежка сладкая,
Тяга древняя к дальним краям...
Становились нам станции бабками
Повивальными,
их сыновьям.

Как там было в предпамятной дали?..
Знаю только одно:

как могли,
Эти станции нас
обряжали,
Эти станции нас
берегли.

Всем, что было,
умели делиться.
От душевной своей доброты
Теплым мякишем
в чистой тряпице
Затыкали голодные рты...

На перроне стою виновато,
Словно ласкою мать обделя...
Так зазывно
мазуют
и мятой
Пахнет раннего детства земля.

А уж колокол вызвонил зычно
Отправленье.

Составу вослед
Покачнулась Бира,
словно зыбка,
Из которой я выполз на свет...

Тянигус

Лес вывозят.

Дика, обезлесев, земля,
Обреченная на затопление.
И ползут на подъем, надрываясь, пыля,
Тягачи, обрывая сцепленья.

А меня снова в память уводит тропа,
Где зарубкою — СЛОВО: бывало,
С ним, как с камнем на шее, я в сны утопал
И всплывал, когда солнце всплывало.

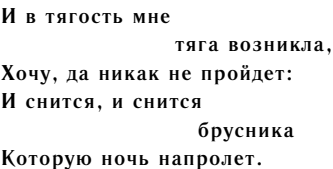
Это слово запомнил я памятью ног.
Сколько с матерью мы исходили дорог!
И военных — голодных, плакучих...
Вот бредем — я за нею плетусь, как щенок,
За плечами на лямках — с картошкой мешок,
Это значит, что жить будем лучше.

Километры дорога идет на подъем.
Мать, меня, бедолагу, жалея,
— Потерпи, — говорит, — вот
тянигус пройдем,
А под горку уже веселее...

А тянигус все тянется вверх, как змея,
Извиваясь, а ноги не держат...
Он во сне еще будет тиранить меня,
Чтобы завтра держался я тверже.

А когда я учился — и вспомнить смешно! —
 Это слово и слепо, и куцо
 Вдруг всплывало, немислимое оно,
 Среди тригонометрических функций.

Скажут — «тангенс» — и сразу — «тягикус»
всплывает,
Словно боль сквозь ученую книгу...
Может быть, математика
примет в расчет
Эту функцию жизни — тяникус.

Крутые бугристые склоны
Встают из тумана вдали,
Как будто большие ладони
Без усталости щедрой земли.

Там грустные бродят медведи
В предчувствии скорой зимы...
И я уйду на рассвете
От города и от жены.

Туда не пробито тропинки,
Там скалы обвалом грозят.
Брусничники,
 точно кровинки,
На тоненьких ветках висят.

Так рады нежданному гостю —
Пришелся, видать, ко двору.
И радуясь,
 прямо из горсти
Бруснику губами беру.

А сок ее вяжет горчинкой —
Той, в радости
 малой горчинкой, —
И болен я ей, и здоров...
Порезал я палец травинкой —
И капает, капает кровь
На землю,
 на мокрые травы,
И надо порез залечить.
И капельки красной утраты
От ягод мне
 не отличить...

Он так людем напичкан,
Что не ступить ногой!
Но он
 демократичней
От тесноты такой.

Коль местный, так — безместный,
Езжай хоть на весу!
И говорок непресный
Тем поездом к лицу.

Под эти «тары-бары»
Почудится, что вот
За общим самоваром
Собрался весь народ.

А то вот, как с разбега
Да в омут, канешь в сон —
И явится
 телега —
С травой или овсом.

Трясет ее проселок,
И конь бренчит уздой,
И ты —
 такой веселый,
К тому же —
 молодой!

Луга да перелески,
И не в беду — беда!..

Такие сны
 в курьерских
Не снятся никогда.

Поверите, быть может,
А может быть, и нет...
О боже! С полки все же
Свалился мой сосед!

Курок

Падь глухая — пастью злобной
Между двух клыкастых гор.
Что ни шаг — рычит утробно,
Чтоб пройти — имей топор.

Места гиблого такого
Еще надо поискать...
На селе у нас
 Курковой
Называли эту падь.

Все чащобы да коряги,
Ни тропинок, ни дорог...
Там, считали, жил бродяга
По прозвищу Курок.

Как он жил и чем питался —
Неизвестно. Знали — вор.
(Но ни разу не попался
На разбое до сих пор!)

И родители пугали
Нас, отбившихся от рук,
Чтоб туда не забредали:
Попадётся и — каюк!

Нам же виделось, как точит
Он на камушке ножи,

Как бредет он темной ночью
Зарабатывать на жизнь...

Как-то бегали ватагой —
То-то сладко босиком! —
Видим вдруг:
бредет бродяга
Из Курковой напрямком.

Ближе, ближе...
Мы застыли:
Лохмы. Кожа — точно ржа.
А ручищи —
подзатыльник
Успокоит без ножа!

Это сколько ж он не брился
С воровской своей тоски?..
Подошел, остановился.
— Что глядите, варнаки?

Ах вы, детки-малолетки! —
Вдруг хитро повеселел.
Ловко срезал с вербы ветку,
На валежину присел.

Вот уж видим:
 стружит, режет,
Острым ножиком слепя,
«Из-за острова на стрежень...»
Напевает про себя.

Так похожий в ту минуту
На обычных стариков...

Как селу досталось круто
От мальчишеских
свистков!

✱

Заступила пора листопада,
Паутинная вяжется нить...
На отцовской могиле ограду
Время самое мне обновить.

Молотком проверяю штакетник,
Крашу краской его голубой...
Ну, так с чем же пришел ты,
наследник?
Что там тянется вслед за тобой?

Но о жизни не думая бральной,
Вспоминаю, как весел, и тих,
Он любовно ошкуривал бревна
И на плахи разделявал их.

И любил о текущем моменте
Переброситься так, между дел.
А когда он точил инструменты,
Я точило за ручку вертел...

Почему-то запомнился очень
Этот серый вертящийся круг.
Этот пот, заливающий очи...
Вырывается ручка из рук!

И топор, и железка к рубанку...
«Привыкай!»

Ну, а я-то молчу.

Шевелю я беззвучно губами,
Проклинаю его и верчу.

Но — привык.
Не затем ли учил он
До мозолей кровавых, дабы
Веселее вращалось «точило»
Под жестокой «железкой» судьбы?

Знать, отец, обучал ты умело,
Память словом я не оскверню.
И когда я дойду до предела
И последних коней загоню —

Не оплачу слезой неудачу,
А увижу — как есть молодой —
Солнце черное
 кругом наждачным —
И засаднит, засаднит ладонь...

Хорошо, как отстоится
Тишь в родительском доме,
Не пугая половицы,
Из сеней шагнуть во тьму...

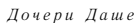
Ах, как в небе полуночном
Густо высыпало звезд!..
Вспомню
 в мире непорочном
Все знакомое до слез,

Что в пути необратимом
Годы выжечь не смогли.
Станет сердцу ошутимей
Притяжение земли.

Будто, слепо ткнувшись в вечность,
Повернуло время вспять...
Можно здесь
 любую млечность
По звезде пересчитать.

Эти звезды с неба слижет
Ветра белого поток...

[illegible]

Но главное — не в инструменте
(Пусть вышел из моды уже...),
А дело
 в особом моменте,
А значит — по сути — в душе.

Мудреный

 иль так, немудрящий,
Но сердце покорно замрет,
Когда он светло и щемяще
«Про родину что-то поет».

Напомнит игрой безыскусной
Все то, что успели забыть,
Уча нас
 большому искусству
Родимую землю любить.

Звездный створ

(Лирический дневник)

1. Праздник в страду

Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух, тот вызов удалой
В труде.
В страде,
В беде любой, —
Тот горделивый жар особый,
Что — бить, — так бей,
А петь, — так пой!...

А. Твардовский. „За далью-даль“

Было все, как по заказу:
Даль, насквозь открыта глазу, —
Голубое с молоком;
Свет неярк и рассеян,
И потягивало с Зеи
Тем, предзимним холодком.

И с утра вдоль Зеи, к створу,
Шумно, празднично и споро
Тек и тек поток живой:
Прихватив сынов и дочек,
Шел монтажник и бетонщик —
Гордый люд мастеровой.

Мастера... Народ неброский,
Но одеты не без лоска —
Что ботинки, что пиджак...
Но средь них иной зевака
По одежке — одинаков,
А присмотришься — чужак.

Парень вот — и тих, и вежлив,
Но типично неприезжий

По особой стати той,
Как идет вразвалку, сочно —
Словно пробует на прочность
Эту землю под ногой!

Разбираться начинаю:
Ведь земля-то — насыпная!
Он — уже который год! —
Намывал ее, родную,
На ветру на стылом днюя
И ночуя, коль прижмет.

Для плотины? Для плотины.
Заплатили? Заплатили —
«Тети-мети», дунул — нет.
Но, смиряя зейский норю,
Для себя намыл опору
Он с запасом на сто лет!

Это был такой экзамен!
Но какой сложил фундамент
Он под жизнь свою зато!..
Был бы ты умен да кряжист —
Жизнь еще навалит тяжесть —
Упереться бы во что!..

Со штабной высокой башни
Открывался день вчерашний:
Котлован, быки, мосток...
С двух сторон застыли плесы,
И в проране безголосо
Бился бешеный поток.

Натянулось время тонко,
И капризного ребенка
Уговаривала мать:

— Ну, не плачь!

Ведь ты мужчина!

Подожди, сейчас машины

Будут камушки кидать...

«Приступить!» — из штаба тут же —

Угодить мальчонке нужно? —

Хрипло брошен был приказ.

Весь в плакатах, тих и кроток,

Взвыл на полных оборотах

У прорана первый КрАЗ!

С полной выкладкою, ладно

Развернулся чуть парадно

И пошел на Зею задним

(Зея, ты не обессудь!)

И на самом на откосе

Поднатужился — и сбросил

Глыбу в гибельную муть.

Брызги веером взметнуло,

Словно глыбой той замкнуло

В желтой глубине провода.

И откликнулся — под током! —

Берег весь единым вздохом,

И в разгар пошла страда.

А толпа поднапирала —

Под колеса самосвалов! —

Любопытно — хоть убей!

И выкрикивал над нами

Хриплым голосом динамик:

«Уберите же людей!»

А в сторонке, на припеке,

Под стернею рыжей щеки,

Под шапчонкой волос бел —
Дед стоял, напружив выю,
И на все дела мирские
Немигаючи глядел.

Он о чем, сутулый, тощий,
Потрясенный этой мощью,
Думал, зейский старожил?
Разобраться ли пытался?
Или с чем-то расставался,
Чем так трудно дорожил?

Здесь, на матушке на Зее,
Он охотился и сеял.
Он — хозяин. Мы — в гостях.
Кожей, сорванной с затылка,
Сердцем, выстуженным пылко,
Болью в ломаных костях —
Помнит он ее, паскуду,
Ей, владычице, подсудный.
Ну, а жизни-то — в обрез.
Нынче ж вот она — плотина,
Значит, крест на все стремнины
(И на молодости — крест?..).

Как тебя река мотала,
Словно был ты из металла,
Глупый парень имярек!
Чтоб вдолбить в башку тупую
Эту истину простую:
«Паря, ты ж ведь — человек!»

Жизнь твоя текла полого,
Стала — Зеей на порогах, —
Черту б голову свернул!

И с жестокой зейской страстью —
Страх в кулак, а сердце настежь —
В революцию нырнул...

Продолжалось перекрыть:
В ритме строгом, чтоб — без прыти,
Неуклонно дело шло
(Хоть поток еще был грозен
И заносчивый бульдозер
Отломил свое крыло...).

Как вас бьют и учат реки,
Люди, люди — человеки,
Чтобы всё — наверняка!
Словно б так и было сроду:
Вы — энергию народу,
Вам энергию — река.

Вот законный сын эпохи,
Сам начальник стройки Шохин —
В нем напора — за троих!
Словно б в нем умно запрятан
(Вот хитрец!)
аккумулятор —
Электричество в крови!

В ней — порывы вьюжной пляски,
Ледяной сквозняк ангарский,
Той, большой плотины ток.
Там он так «подзарядился» —
Точно заново родился,
Чтобы Зею — поперек!..

Он летит вперед пружинно
В грозном грохоте машинном,
Как река на быстрине!

Весел взгляд, а шаг широкий,
Ритм «отмахивая» стройке
(А быть может, и стране?).

Но пока мы — суть да дело,
Рать машинная гремела
В брызгах, копоты, в пыли,
Хоть не так уже и браво
Бригадиры — левый с правым —
Эту рать вперед вели.

Но уже в людском заторе
Теле-,
 фоторепортеры
С помощью локтей и плеч
Пробивались ближе, к кромке,
Чтобы, выбрав «точку съемки»,
Все, как есть, запечатлеть.

Выбрать «точку» — вот загвоздка!
Чтобы правда вся, без лоска,
А за ней — зари полоска...
Перспектива чтоб видна!
И подумалось с обидой
Мне о грешных нас, кто видит
Жизнь нередко из окна.

С этой «кочечки» обзора
Перспектива — до забора,
И в столице, и в селе.
Вон сидит в окне домашнем —
Терпелив, как червь бумажный,
С тяжелой думой на челе.

Тишь да гладь, к тому ж тверезый,
И конечно, музы, грезы

Не обходят и его:
Даль... Мужик... Петух на прясле...
Ерунда на постном масле...
Впрочем — мало ли чего!

А сквозь этот мощный рокот
Кто услышит райпророка,
Твой писклявый голосок?
Докричится, может, Муза,
Ну, до местного Союза
И — в песок.

И в песок да с тем и канет...
Но уже «последний» камень,
Как резерв, вводили в бой.
В тишине, столь непривычной,
С ним отъехал к перемычке
Самосвал передовой.

Исторически торжествен,
Бригадир широким жестом
Камню место указал.
И скользнул он вниз покато,
Сверху — плюх! И дело свято
(Чтоб потом — на пьедестал!)

И — «у-ра!» — пошло над плесом
С перемычки и с утесов,
И ударили гудки,
Разрывая воздух стылый.
Обнимались там, на стыке,
Покорители реки.

А река под их ногами
Билась слепо ручейками —
Зея, ну теперь держись!

Писалось в нем, что перед тем как
Заполонить воде нутро,
Туда веселый кто-то «в темпе»
Доставил с краскою ведро.

Хотелось каждому — ведь строил! —
Там расписаться от души,
Хоть было ясно:

Зея скроет,

И тут — пиши иль не пиши...

И словно бы туман растаял —
И вот он, близок и знаком,
Солдат выводит на рейхстаге
Свою фамилию штыком —

Пропахший порохом и каска
На нем в пометах пулевых...
Потом затрут особой краской
Его автограф от живых.

Но тот солдат, как есть — обычен,
Ее в трудах превыше сил
Такою славой возвеличил,
Такою кровью оплатил
Что никакой гранит

не скроет,

Не смоем никакой водой!
Затри — а он проступит кровью.
Разбей — а он взойдет звездой!

Так думал я.

А солнце ровно

Всходило в полдень. И, вольна,
Поблескивала Зея — словно
Светились надписи со дна...

III. Прогулка по старому городу

А кто поверит болтовне,
Что я по старой Зее
Болтался в поисках жене
На платье бумазеи?

Я днями жил, кружа, спеша,
По графику Гэсстроа,
И возопила вдруг душа,
Потребовав покоя...

В снегу районный городок
И, как зима, печален —
И парк, и этот уголок,
Где местный дом печати.

И только в дальнем терему,
В бору звенела школа,
Та, что Коптяеву саму
Учила так толково.

Ах, Зея!

 Как тебе к лицу
Лик лиственницы грустной
Среди домов — венец к венцу,
С резьбою безыскусной!

Как предки, ладя кружева
За красоту радели!..
Наверно, был он голова,
Мастеровой Бардеев.

И замирает —
 объясним

Подобный факт едва ли —
Перед карнизиком резным
Поклонник вертикали.

А предок — что?
 Душа чиста,
Хоть кое-где и пятна,
И только вертикаль креста
Была ему понятна.

Он ставил сруб, как есть — литой,
В угоду домочадцам,
К нему — карнизик под стрехой,
Такой — чтоб любоваться.

Такой — чтоб самому потом,
Измаявшись в извозе,
Вдруг замереть, завидев дом,
Сняв шапку на морозе.

И впрямь, как вздох души живой,
Был этот росчерк детский
Меж синевой над головой
И суетой житейской.

И не с того ли, может стать,
Вселенной увлеченных,
Нас осеняет благодать
От завитков точеных?

Когда,
 немыслимо легка
И лишь мечте послушна,
Сама в блокнотике
 рука
Рисует завитушки.

Красота...

Перед нею бульдозер,
Занесенный, отводит нож.

Знать, пришли времена такие,
Знать, неплохо живет народ,
Коль

железная индустрия
Друга в дереве признает!

Что мне шепчет вода живая?..
Все брожу, брожу

и молчу.
И щекой к стволу прижимаюсь —
Так прижиться я здесь хочу!

И в душе своей
непоклонной
Сохраню до последних дней
Четкость линий
железобетонных
В нежной путанице ветвей...

V. Рассказ молодого штукатура

Мы сидим,
ногами побалтываем,
Будто «па» на лесах отрабатываем,
Озорно девчатам кричим.
У девчат
раствор под руками —
Знай помахивают мастерками,
Ноль внимания на мужчин.

Лишь сквозняки охрипшие
И больше — ни души.
Беленый
 и покрашенный,
Веселый и ничей...
Еще не знают скважины
Сквалыжников-ключей.
Ни коврики,
 ни слоники
Еще не взяли в плен
Полов
 и подоконников
И выглаженных стен....
А в окнах —
 солнце полное,
Лучи кипят столбом!
Пусть мелкое
 и вздорное
Минует этот дом,
Где и в полах,
 и в извести,
И в кухонной плите
Заложен принцип
 близости
К великой чистоте.
Ну, как такую выпачкать
И опорочить — как?..
Я перед ней
 на цыпочки
Перевожу свой шаг.
По половицам крашеным,
Стыдась, я выхожу —
Вчерашнее
 из завтрашнего
Дома
 выношу...

VII. Птица

Шапочным вышло знакомство —
Такая эпоха!
— Вы, — подсказала, —
На стройку ко мне приезжайте...
— Это неплохо, — сказал я, —
Не чуя подвоха, —
Как вас найду я?
— А вы, — говорит, — поспрошайте...

Утречком рано
Я выехал из «Соктахана»
(Как мне в гостинице этой жилось
По-домашнему просто!
Как говорилось
Под чай, за горячим стаканом,
И, разумеется,
 ради знакомства,
Под «по сто»...).

Я «поспрошал» —
И ответил мне сварщик несложно:
— А над тобою! —
И сам отвернулся культурно.
Тут и увидел я
На высоте невозможной
Клетку,
 прибитую ветром
К опоре ажурной.

Эй, крановщица!
Эгей, поднебесная птица!
Мне — не обняться,
Мне — словом с тобой обменяться!..

Как бы ко мне вам
Спуститься?
Или же мне к вам
Подняться?

Выпало мне...
(Как я лез — пусть останется в тайне.)
— Здравствуйте! — вымолвил
И с удивлением замер:
Дымкой окутанный,
Мир открывался бескрайне
И воспарял,
Ограниченный лишь небесами...

— Что, непривычно? — спросила.
— Нет, просто отлично! —
Что-то, не помню, смущаясь,
Еще говорил я...
Было невзрачным
Ее оперение птичье,
Руки ж скользили
согласно,
Как легкие крылья.

Даже в спецовочке грубой
Была она хрупкой
В этом соседстве
С педалями и рычагами...
— Вы мне ответьте, воробышек
Или голубка,
Как же отныне с домашними быть
Очагами?

— Как с очагами? —
Она повторила, не глядя, —
Мы — на работу,

Смеется дождь:
Закончил столько дел!
Промыты окна, словно к новоселью,
Стал каждый тополь
Нестерпимо зелен
И каждый человек — помолодел.

Вот так, вот так,
Всем бедам вопреки,
И злу — назло,
И ссорам неминучим,
С той верностью,
Как туча — дождь сыпучий, —
Прошу тебя,
Ты нежность береги.

Вот так, вот так, —
Любимая, молю! —
Когда душа,
Как поле в зной палящий,
Ты этот «дождь»,
Целительно бодрящий,
Пролей на буйну голову мою!

IX. Дорога

Кружится мир воронкою бездонной.
И я опять на Тыгду в скором мчу.
Молчит сосед купейный отчужденно.
Молчит еще. И я пока молчу.

Но вот он папиросу вынимает
И спрашивает:

«Можно прикурить?..»

Но я-то вижу, я-то понимаю,
Что хочется ему поговорить.

И раздавалась в ширину теснина,
И, словно к устью, ширилась река.

Лети себе легко и безрассудно!
А там, за поворотом, впереди
Такая даль угадывалась смутно,
Что холодок покалывал в груди.

Но возбужденный безрассудства хмелем,
Опасным ускорением крови,
Я все ж заметил: явно погрустнели
Веселые попутчики мои.

И мой сосед, смешливый и дотошный,
Что погрузился чуть навеселе,
Вдруг произнес: — Утопла Филимошка,
А я, брат, свадьбу справил в том селе...

Когда ж с разбега врезалась «Ракета»
В топляк плывущий бешеным крылом,
Я тоже отрезвел и незаметно
Настроился на мысли о былом.

И выбравшись по случаю починки
На палубу, увидел пред собой,
Как, словно вешки, лиственниц вершинки
Неслышно колыхались над водой.

Кружились на воде венки из пены...
И, призван с прошлым нить соединить,
Подумал я, что времечко пришло
Могилки дорогие посетить.

Как будто что-то, что — и сам не знаю —
В душе моей пошло наперекос.

А тут над ухом:

— Красота какая! —

Вдруг кто-то восхищенно произнес.

Я вздрогнул и откликнулся: — Не жалко? —

И на воде его качнулась тень.

— А мне-то что?

Ни холодно, ни жарко... —

И вправду был такой покойный день.

В такие дни незнобкие под осень

Покойников способно хоронить...

Не оживить, когда под корень скосит,

Чего нельзя, того не сохранить.

Не укротить потока бурной жизни!

И данный вид собою означал

Простор для созиданья и туризма,

Но и при этом — душу омрачал.

Понятно все, но я не из бетона,

Чтоб на дороге памяти лежать

Запрудю.

Я не могу без стона

Родимых в путь последний провожать...

Как долго же листвянка, так щемяще

Махала вслед нам, виделась пока.

Как матери, навеки уходящей,

В напутствие

прощальная рука...

XI. Теплая мерзлота

Что же ты разгрустился позорно,

Созидатель, поникнувший весь

Под «Магирусов» грохот мажорный

У фундамента станции Зейск?..

Написала жена ему Настя:
Мол, неужто же думаешь ты,
Что еще мне, для полного счастья
Не хватает твоей мерзлоты?

Мерзлота голубела цветами,
И под солнцем по ней, как змея,
Вся поблескивая озерцами,
Извиваясь, ползла колея.

Он сказал мне, ссутуливши плечи,
Озерцо вымеряя прутом:
— Мерзлоту колесом покалечишь —
Не залечишь уже нипочем.

Не засыплешь потом, не замажешь,
Не насытишь утробу болот.
И тогда не усмотришь — так даже
Стройка века в болота уйдет...

И открылось тогда мне впервые,
Как мерцают с худого лица
Синей болью глаза горевые,
Как мерзлотные те озерца...

А стояла такая погода —
В самый раз походить босиком!
Бабье лето

так щедро природу
Одаряло остатним теплом.

Мы бруснику по мшистому насту
Выбирали меж реденьких трав.
Отдавала брусника

лекарством,
И казалось, что был он не прав...

XII

Расположившись дружеским кругом
У пожитков нехитрых своих,
Уроженцы горячего юга
Открывали одну на троих.

Ну а я, на правах ротозея,
(Ждал, скучая, машину на ГЭС):
— Что, ребята, вы тоже на Зею? —
Простодушно в заботы их влез.

Повернулись они, усмехнулись,
И один — до чего же оброс!
— Мы-то с Зеей
уже разминулись, —
С неохотой большой произнес.

А потом — сорвались!
И сердито
Загалдели вдруг наперебой:
Дескать, хватит. Со стройкою квиты.
И — «пора, ребятишки, домой...»

С настроением явно подавленным
Слушал я — и чего так орут?
Уезжают ребята в Молдавию
(А строители скажут: бегут).

Расквитались ребята со стройкой,
Ты их, стройка, обратно не жди...
Ну а стройке подай
водостойких,
Потому что на стройке дожди.

И когда я осваивал кратер
В арматурной чашобе на дне,
Их слова,
 как включенный вибратор,
Отдавались боляще во мне:

— И за эти-то гроши? Простите!.. —
Зея может простить, ей не в стыд.
Вы летите, ребята, летите.
Да Молдавия вас не простит.

Потому и жалею вас, зная,
Как она под великой грозой
Прикипела к амурскому краю
Несгорающим сердцем Лазо.

И поверьте — в смертельной пороше
Различая грядущие дни,
Видел он, извините, не «гроши» —
Гидростанции Зейской огни!

А словесная та перепалка
Не закончилась, чтоб — по рукам...
Не доспорили.

 Так было жалко!
Жаль, что в разные стороны нам...

XIII. Створ высоты

Л. Дроздову

Мне бригадир — бетонщик-ас,
Назначил встречу
Здесь, где плотина поднялась
Хребту по плечи.

Ему, видать, не до гостей —
Неразговорчив,
И сразу видно: на людей
Весьма разборчив.

Но так звенел вокруг простор
И высь светила,
Что подавить в себе восторг
Я был не в силах.

А он же хмурился слегка,
Видать, задело:
Считай, мол, сделали пока
Еще полдела.

Ну, это он уж чересчур!..
Но, путь наруша,
Провалом,
 в ребрах арматур,
Дохнуло в душу.

Тот вечный страх пред пустотой
Попробуй спрятать!..
А он сказал мне:
 — Ты стой,
А мне к ребятам...

А сам по балочке пошел,
Как бы по тропке,
Все так же в поступи тяжел
И неторопкий.

Он шел и шел — я даже взмок,
И, словно плетью,
Казнил себя: а ты бы смог?..
Не мог ответить.

Он у соседей «погостил»,
Назад вернулся.
— Не страшно эдак? — я спросил.
Он улыбнулся:

— Ну, ясно, это же не «ТУ»
При мягком кресле.
Но мы ж поднялись в высоту
С плотиной вместе.

С такою гордой простотой
Он мне ответил,
Как будто сам был высотой
С плотину эту.

XIV. Первенец

Словно бы по отсчету кукушки,
По заказу, в назначенный срок,
Вдруг взошел на бетонной опушке
В красной шапочке этот грибок.

Как там люди усердно хлопочут!
И заботой людскую храним,
Что-то он, несмышлениш, лопочет,
Только им и понятно одним.

Ну а мне из мороки житейской
Даже как-то представить невмочь,
Что в себе этот первенец зейский
Затаил богатырскую мощь.

И взойдя под руками рабочих,
Что и ласковы так, и сильны,
Вон — смотрите! — зажег огонечек,
Что замечен на карте страны...

Он работал легко и усердно.
Все же,
 сквозь микропору подошв,
Достигая не разума — сердца,
Пробивалась неясная дрожь.

Словно там,
 под бетонным покровом,
Через некую главную ось
Ускоренье вращения
 земного
От ремней приводных началось.

Это жизнь получает подспорье!
Пусть вращается ротор быстрее,
Чтоб в магнитном искрящемся поле
Поле Родины стало щедрей!

Это жизнь посветлела воочью
От магнитного поля мечты.
Ведь не зря ж
 «положительный» очень
Греет сердце заряд доброты.

Не от этого ль
 в гулкие будни

Благодарно — средь зимнего дня! —
В десять веточек
 зейский багульник
Вдруг расцвел на столе у меня.

XV. Концерт

Гудел агрегат под нагрузкой
С другими в стране в камертон.
А в клубе
по случаю «пуска»
Веселье входило вразгон.

А в клубе сошлись, разодеты,
Работники всех отраслей.
И жены.

А также и дети —
А как обойтись без детей?!

Ах, праздник — для сердца подарок,
Светло окрыляющий нас!
В волнение электрогитара
Срывалась все
в электротранс.

А то барабан вдруг стаккато
Взрывался, забывшись в игре,
Как будто вся мощь агрегата
В его клокотала нутре.

Но вышла на сцену певица —
А голос пронзительно тих —

Здесь клуб не для сборов подушных!
И, видно, большой жизнелюб
Значительно так и нескучно —
«Ровесник» — назвал этот клуб.

Как видно, народ здесь не пресный,
Коль сразу,
 из первой доски
Построил жилище для песни,
Чтоб души сберечь от тоски.

XVI. К спору о славе

Вот где
 мне нынче вернуться дано
К спору о славе!..
А под ногами
 шуршит неземно
Смерзшийся гравий...
Спорили
 в поисках тайных глубин,
Артезианских...
Надвое
 фарами МАЗ разрубил
Мир марсианский.
Звезды,
 не зная земной маеты,
Смотрят лукаво.
И под какой —
 догадаешься ты? —
Вызреет слава?
Вон, обнажив мироздания каркас,
В темени скрытый,

Вспыхнула новая —
 словно алмаз
Из кимберлита.
Ты ли причастен
 этой звезде,
Зыбко манящей?..
Это
 работает
 на высоте
Электросварщик.
Небо,
 в прожогах
 от сварочных брызг
Или в проколах...
Может быть, славы
 загадочный смысл
Не в ореоле?
Высветил резко
 небесную крепь
Нимб электрода...
Может быть, славе
 простое, как хлеб,
Имя — Работа?
Может,
 не ведая даже о том,
Денно и ночью
Слава
 замешивает
 бетон,
Круто, чтоб прочно.
Больно прикусывая губу
И некартинно —
Словно замешивает
 судьбу
В тело плотины!

Можно ли
жизнь свою
крепче связать
С делом достойным?!
Слава тебе,
если вправе сказать:
— Я э-т-о строил!
Чтоб на краю,
когда жизни в обрез,
Думалось сладко,
Что воплотилась
в мощную ГЭС
Жизнь без остатка!

III

Высокий день

Метут снега,
 цветет сирень,
Судьба под листобоем...
Несу в душе
 Высокий День,
Дарованный тобою.

Когда смыкались облака
С минутой каждой гуще,
Он мне светил издалика
Сквозь чашу дней грядущих.

Когда обиды
 вещмешком
Оттягивали плечи,
Он мне призывным светлячком
Пульсировал навстречу.

Я знал. Я верил.
 Как в бреду,
Я шел к нему без тропок,
Как будто был он на роду
Предсказан гороскопом.

И над урочищем глухим
Его приход с востока
Мне возвестили петухи
На зоревой протоке.

Светлело небо между круч,
И солнышку пора бы!..
И вдоль протоки первый луч
Легко скользнул по ряби.

Дрожала трепетная нить,
Как будто в мир обманный
Светило не решалось всплыть
Без грамоты охранной.

Но День дыханьем овладел
И перешел в движение!
Вот дрогнуло
 в густой воде
Земное отражение.

И ветер тронул провода,
Как опытный настройщик,
И, с высотой не совладав,
Упала птица в рощу.

И в этот миг — знать, по всему
Явило утро милость —
Навстречу сердцу твоему
Мое
 заторопилось!

И все стремительней разбег,
Короче расстояние —
О, этот бег двух горных рек
К желанному слиянью!

Мир замер птицей на лету!
И оглушил округу
Звон капли,
 где-то по листу
Ударившей упруго.

Он был — как будто неземной,
Неизъяснимо дивный,
Тот звон,
 открывший временной
Отсчет судьбы единой.

✱

Тоскуют руки по металлу...
То вдруг, шагавший налегке,
Мальчишкой с ледышкой талой,
Замру с железкою в руке,

То вдруг завода бас могучий
Так позовет, что нету сил...
Друзья смеются: даже ручку
Себе железную купил...

Тоскуют руки — до испуга:
Что делаю? И — для чего?
Как будто бы сбежал от друга,
С которым всякого всего...

Был спор на уровне высоком,
Где делать нечего льстецу.
О, как он бил меня жестоко
Каленой стружкой по лицу!

И сам до белого каленья
Я доводил его и мял
Под молотом,
и в одаренье,
Для новой жизни закалял.

И вышло, что сработал честно,
Коль так скорбит теперь душа.
Неужто
 по живому месту
Меж нами трещина прошла?

Размышления на угольном разрезе

Где автобусик свернул,
Юркнув мышью в кавальеры¹ —
Там,
 как будто в Кордильерах,
Весь поселок утонул.

Все пойму еще, пойму...
Вот он,
 чудо-экскаватор!
Я гляжу: не узковата ль
Степь гигантскому ему?

А работа не проста:
Зарываясь в дерн и глину,
Надо горы перекинуть,
Чтоб добраться до пласта!

Не свожу с гиганта глаз,
Я работу уважаю,
Потому как обнажаю
Вроде б тоже
 некий пласт.

Я не льшу себе, не льшу.
Не боясь работы черной,
В глубине под всяким «дерном»
Жилу истины ищу.

¹ К а в а л ь е р ы — отвалы пустой породы.

Как выходит — не сужу,
Не пристало пустословить.
Но к тому же я сословью,
Как и он, принадлежу.

Родственничек — ничего!..
Не скрываю — очень лестно.
Только грустно:

не железный
Я в отличие от него.

Землетрясение

Не толчок был, а так, сотрясенье,
Не основ, а посуды в столе,
Недостойное

опасенья

И отметки на балльной шкале.

Но, однако, никак не ложится!
Всеми площадками лязгнувший быт
Вдруг заставил

насторожиться,

А собаку — по-волчьи завывать.

Словно голосом робким, как ропот,
От глубинного темного дна
Просигналил инстинкт

(или опыт?),

Что основа твоя непрочна.

Так недолго избу скособочить!

Я, тревожась, сидел у огня

До утра,

когда радостный кочет

Наконец образумил меня.

✱

Мне кажется нестойкой тишина.

И не пойму:

а что меня тревожит?

Вон дед у прясла лошадей треножит —

Быть может, он мне объяснит сполна?

Дед говорит:

— Стреножу лошадей

Да на ночь — в поле. Ночью травы волглы...

Да вот беда — пошаливают волки, —

Закончил он, копаясь в бороде.

Понятна мне твоя тревога, дед,

Хоть мне с того не легче и не проще...

Вон женщина в реке белье полощет —

Быть может, даст мне женщина ответ?

— Чудной вы, право! — вскинула глаза. —

Вот высушу да обряжу ребяток.

Белехонькие станут, что опята!..

Да видишь, собирается гроза...

И что выходит?

То, что говорят:

Белье просохнет — обошел бы дождик,

Вернутся кони сытыми под вожжи,

Конечно, если волки не съедят.

Но женщина, в преддверии дождей,
Управиться со стиркой поспешает,
И дед, уйдя в ночное, помешает
Зарезать клятым волкам лошадей.

И я ушел к дороге, через лог,
И все не отпускала мысль простая:
Ведь древо тишины
 произрастает
Из наших с вами за нее тревог...

Одуванчик

Во что играет этот тихий мальчик?
Наверное, «в себя» играет он,
Когда срывает легкий одуванчик
И обдувает с четырех сторон.

И кружится тычинок рой несметный,
Не в силах невесомость одолеть...
Несметно их — не потому ль бессмертен
Веселый одуванчик на земле?

Заманчива судьба его, заманчива —
Вновь по лугам взойти и по лесам...
Играет мальчик.

И от одуванчиков
Седым-седа могила партизан...

Листопад

Памяти Вс. Н. Иванова

Вы тихо бродите по скверу,
Высокий и немолодой.
А на душе, наверно, скверно:
Ко лбу подносите ладонь,
О чем-то думаете долго...

Ах, этот тихий листопад!
Опять, опять, как в листьях волглых,
В воспоминаньях утопать.

Вновь уходить светло и грустно
В уже не близкие года,
Что толчеей и многолюдством
Напоминают города.

Там все по-прежнему — и старость
Вовеки не коснется их.
Недаром много в них осталось
Друзей-товарищей твоих.

Года, как знаки Зодиака,
Пылают и уходят вспять.
Жаль только, что по этим знакам
Круговращения не начать.

Да, не вернетесь, не вернетесь,
Живой обрызганы водой,

Туда, где весело смеетесь
Так неприлично молодой!

Глаза распахнуты влюбленно,
И ни сединок на висках.
Пылающий листочек клена
Небрежно вертите в руках...

А листья — как они умели
Дарить прохладу в летний зной!
И как воинственно шумели —
А не немели! — пред грозой.

Они достойны уваженья:
Ведь это надо же уметь —
Перегореть в огне сражений
В такую радостную медь!

Песня

Певуч песок, и пригоршни распадков
Налиты звонким солнцем до краев.
А на реке

 в своей лодчонке шаткой
У берега гортанно ульч поет.

Поет себе, с коленей руки свесив,
До отрешенья песней увлечен...

О чем она,
 его большая песня?
О чем она?.. Да важно ли — о чем?!

Как солнцем пади,
 ею он наполнен
И, может, сам не постигает слов.
Закрой глаза — и ты услышишь
 полдень
И всплеск воды под медленным веслом.

О чем она?..
 Но загудел в ней ветер —
И понеслись навстречу острова!
Слова журчат.
 Слова — как за борт сети...
Да и нужны ли ей такой слова?

Березник желт, а клен калено красен,
Дубы закатным тронуты огнем...
Осенний лес печален и прекрасен
В контрастном разноцветии своем.

Подпалена листвы зеленой стая...
Но, словно увядание презрев,
Любое деревцо
 вдруг обретает
Свое лицо в содружестве дерев.

Вспомнил, контуженный
До одуренья бессонницей,
Под самолетный,
По окнам ударивший гул,
Дальний поселок
горняцкий
По имени Солнечный —
Словно по лучику к солнцу
Из ночи шагнул...

Помнится,
был я нелеп,
Точно хлюстик нафабренный,
В модных штиблетах
Пижон из журнальчика мод,
В чреве грохочущей
Обогащательной фабрики,
Где совершался
Жестокий руды обмолот.

Камни крошила
Железная сила крутая,
Мутные воды текли
Лабиринтом запруд...
Шел я за гидом своим,
Напряженно вникая
В смысл и в механику
Обогащения руд.

Гид-инженер,
Исчерпав красноречие в числах,
Свел объясненья
К идее наивно простой:
Обогатить — если проще,
То значит — очистить,
Значит, руду отделить
От породы пустой.

Так он сказал —
Упрощенно,
Но как убедительно!
Мельницам верьте,
Умеющим камни дробить!
Это доказано фабрикой
Обогатительной:
Обогащаться —
Не значит богатства копить.

До Камчатки в дороге зыбучей
Он еще накачается всласть.
Он заморского гостя научит
Уваженью,
Советская власть!

...Норд в загуле... В июле...
По-рядок!

И, спеша отыгаться сполна,
Лупит Арктика снежным зарядом,
Беспощадная, как война.

Что-то было подобное раньше...
Разгулялась шрапнель за окном...
Разворачивать надобно
тральщик
Под прицельным фашистским огнем!

И щетинятся брови жестоко,
И неистов осколочный свист...
До чего же мне видно
далеко
С колокольни твоей, коммунист!

Не изгибы тропинок окольных,
Где змеящийся след подлеца,
Революции
путь леδοкольный
Открывается мне до конца —

Сквозь арктическую непогоду,
Осененный звездой труда!
...Нынче в полдень
на чистую воду
До Певека пробились суда.

Там ведь тоже
 в пояс травы,
Там не Волга, но — Анюй!

Отобьешь косу,
 отыщешь
Косовище по руке —
И пойдет коса,
 засвищет,
Точно рыбка по реке!..

Наломает косовица
Руки Славкины в плечах,
И на сердце
 отстоится
Накипь серая — печаль.

А когда уже крестьянин
Разомнется на косьбе —
Так потянет,
 так потянет
Прииск мастера к себе!..

III

Памяти друга

В то лето, такое дождливое,
Что я на глазах раскисал,
Какие же письма счастливые
Мне с севера друг писал!

Как будто приветы от ангела,
Голубенькие насквозь.

А жил он на острове Врангеля,
Где быть мне не довелось.

Там тундра мягка, как бархотка,
Там правит судьбой азарт,
И вместо людской барахолки —
Роскошный птичий базар.

Устав от трудов
и памяти,
У кромки, где спят моржи,
Дрыхни,
на бивень мамонта
Голову положив.

И снова — и льды, и тундра,
Прекрасная без прикрас...
Ах, как ему, видно, трудно
Жить было среди нас!

А в общем-то было всякое.
Знать, выздоровел мой друг.
Но только
 письма иссякли
Как-то внезапно, вдруг.

И жизнь показалась пресной,
И сковывал душу страх...
Я после узнал из прессы,
Что друг мой погиб во льдах.

Как это звучало нелепо!
Затерло каким-то льдом
Его, кто и жестко, и слепо
Испытан был на излом?!

Где-то над льдами паковыми
Чайка его кружит...

А я его
 не оплакиваю,
Он был золотой мужик.

Тоскуя оленем по ягелю,
Я тоже вот, может стать,
Уеду на остров Врангеля,
Буду моржей считать.

IV

И неходко, но в охотку,
Где на крыльях, где пешком,
Я мотаюсь по Чукотке,
Точно лесом с туеском.

Собираю быль и небыль —
Что отбросить, что поднять?..
Что мне надобно?

 А мне бы
Душу той земли понять.

Вот вернусь — расспросов будет!
Мне друзья надоедят:

Каковы там, дескать, люди?
Чем живут и что едят?

Хоть не точно, но отвечу
(Точно — просто не берусь,
Так как

встречным-поперечным
Я Чукотке прихожусь):

Меря тундровые дали,
Замерзая и кайля,
Люди там такими стали,
Как сама она, земля.

А земля — она такая:
Вся промерзлая насквозь.
Слабостям не потакает,
Не прощает жизни врозь.

И от стыни этой вечной
Опостылевших ночей
Стали люди
человечней,
Проще стали и прочней.

А земля — не для парадов,
Сколько жизней унесла!
Только —
как ей мало надо
Света, дождика, тепла,

Чтобы вспыхнули ответно
Очи ясные озер,
Чтоб ласкало разноцветье,
Прошлым бедам не в укор,

Чтоб земля дышала кротко,
Жажду солнцем утоля...
Вот и все вам
про Чукотку.
Ну, а люди — как земля.

Ночь на Амуре

Воду черную морщина,
Теплоход легко бежит.
Мерно стучает машина,
Мелко палуба дрожит.

Звезды бродят в черной бездне
Среди облачных террас...
В третьем классе едут песни,
В первом классе — преферанс.

Это так несовременно,
Если в мире тишина,
Если рядом
откровенно
Первобытная страна.

Волн глухое лепетанье,
Древний выговор реки...
Здесь живут островитяне
Всем эпохам вопреки.

И, в ночи собравшись кланом,
Важно судят о делах,
Упоительно и плавно
Няньча трубочки в губах.

Судят, головы морочат:
Дескать, трудно стало жить.

Утонула оморочка —
Надо бога ублажить.

О рыбалке, о погосте...
И особый грамотей
Все запишет на бересте
Рыбьей костью без затей.

Все как есть обсудит племя,
Отойдет ко сну народ...
Ночь, глубокая, как время,
Втягивает теплоход.

Оказался я рядом в порту
С этой женщиной,
 сгорбленной горько,
Затерявшейся в сене иголкой,
В уголочке. Платочек — ко рту.

Порт, он порт: надрывалась струна,
Пели, ели, кричали от злости.
Порт, он — порт...

И вдовой на погосте
Содрогалась от плача она.

Это выдержать не было сил!
И, коснувшись дрожащего локтя,
— Что случилось? — спросил я неловко. —
Кто обидел вас? — тихо спросил.

«Отойди!» — прокричали сперва
Мне в упор голубые окружя.
И... в плечо мое ткнулась,
и тут же
Больно хлынули горлом слова.

Все о том — не сложилась судьба,
Долго-долго она причитала.
А потом отвалилась устало
И смахнула кудряшки со лба.

Вот и легче — к чему голосить?
И лицо ее все прояснялось.
А нужна была самая малость:
— Что случилось? — однажды спросить...

Чайки

У кромки морского залива
Вдруг вспомнил былую вину...
Стремительно так и крикливо
Бросается чайка в волну.

Падет — и, сверкнув белогрудю,
Уносится ввысь по лучу...
Хотите попробовать чуда
На ощупь? Я вас научу.

Все будет надежно и точно,
Поскольку тот способ простой
Был кем-то рассчитан на то, что
У чуда желудок пустой.

Берется сырая рыбешка,
Вбивается палка с крючком...
А дальше? А дальше немножко
Терпенья при деле таком.

И, зная, что голод — не тетка,
Не дергайте нить сгоряча...
Я помню до сухости в глотке,
Как бились те чайки, крича.

**И ныне стою вот в печали,
Хоть взглядом бы их приласкать...
Мы после их все ж отпускали.
Вы можете не отпускать.**

Загостился.

И трогаться мне бы...
Но отъезд оказался непрост:
Вдруг подернулось мороком небо
И завыл над поселком норд-ост.

И спросил я у «волка морского»,
Мол, надолго ль такие дела?
— А до ввода закона сухого,
Из Гнилого, вишь, тянет угла.

Из Гнилого...

Что ж, парень-то сведущ.
Ну, а мать мне, подол теребя,
— Не горюй, — говорит, — ты уедешь.
Это мне горевать без тебя...

И еще, чтоб плохого не думал
И чтоб как-то облегчить мне путь,
Досказала:
— Уж как бы ни дул он,
Только солнышка ветру не сдуть...

По-старушечьи были наивны
Те слова.

Почему же тогда
В дни ненастья, под вьюги и ливни
Снова слышу я их сквозь года?

Отчего берегу их отрадно,
Если жизнь не подернута мглой?..
Может, есть и в судьбе нашей страдной —
Свой у каждого — «угол гнилой».

Не учтенный в конторе Госстраха,
Он такое готовит тебе,
Чтобы все, что достигнуто — прахом,
Только дрогни — и крест на судьбе.

Чтобы холод твоей неудачи
До бесчувствия выстудил грудь...

Только б верить,
Стеная и плача,
В то, что солнышка ветру
Не сдуть!

Перевал

Г. Граубину

Стой, шофер — лихач бывалый,
Не смей народ честной!..
Перед самым перевалом
Пункт
 контрольно-пропускной.

Не гляди с ухмылкой, криво,
Снегирева Кольки брат!
Можно запросто с обрыва,
Как и Колька в аккурат.

Техосмотр.
 Глотая ропот,
Черта руганью не зли:
Самолично этот штопор
Им закручен в глубь земли.

По его крутой спирали
Заползаем в облака.
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука!

На последнем напряженье
Нестерпим моторный вой.

Дьявольское искушение —
С маху в пропасть головой!

...Сник подъем на повороте,
Ну теперь полегче — спуск.
Только в сердце побороть бы
Дикой скорости иску!

Да еще — держи педали!
Разнесет наверняка! —
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука...

Все. Спустились.
Дальше — скатерть,
Можно ехать налегке...
Что-то прыгает некстати
Папиросочка в руке.

Шмыгнул носом: «Ну и шельма!»
А теперь давай, гони!..
Что так смотришь
задушевно
На инспектора ГАИ?

Что так едешь,
словно тропкой,
Неторопко, не спеша?
Знать, товарищ мой неробкий,
Не пришла в себя душа.

Мы еще с тобою в силе,
И в глазах еще — гроза!
Только б нас не подводили
Сердце, руки, тормоза.

Содержание

«У кромки мыса на кривом мысу...»	3
---	---

I

Хроника памяти	7
«Ну, отстрелялись и отголосили...»	15
«Весна восторженно и шало...»	17
Мерная миля	19
Ремесло	21
«Любите простые ремесла!..»	23
Плановик	25
«В ночь, беззвездную, как бездна...»	28
Бира	30
Тянигус	33
«И в тягость мне тяга возникла...»	35
Местный поезд	37
Курок	40
«Заступила пора листопада...»	43
«Хорошо, как отстоится...»	45
«Коль музыка юному чаду...»	47

II

Звездный створ	51
--------------------------	----

III

Высокий день	89
«Тоскуют руки по металлу...»	92

Размышления на угольном разрезе	94
Землетрясение	96
«Мне кажется нестойкой тишина...»	97
Одуванчик	99
Листопад	100
Песня	102
«Березник желт, а клен калено красен...» . . .	103
«Вспомнил, контуженный до одуренья бессон- ницай...»	104
Из «чукотского дневника»	106
Ночь на Амуре	114
«Оказался я рядом в порту...»	116
Чайки	118
«Загостился...»	120
Перевал	122

Михаил Феофанович Асламов

ЗВЕЗДНЫЙ СТВОР

Книга стихов

Редактор **А. Москвитин**

Художник **А. Дианов**

Художественный редактор **О. Червецова**

Технический редактор **Л. Дунаева**

Корректоры **Н. Попикова, Т. Стельмах**

ИБ № 1642. Сдано в набор 14.03.80. Подписано к печати 30.06.80. А09114. Формат 70X90/32. Гарнитура литерат. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,89. Тираж 20000, Заказ 3296. Цена 50 кор.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
12351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография

50 коп.

Михаил Асламов живет и работает в Хабаровске. Автор нескольких поэтических сборников.

В новой книге М. Асламов воспекает повседневные дела нефтяников и лесорубов, геологов и золотоискателей, металлургов и рыбаков. Это проникновенный рассказ о людях, глубоко и трепетно любящих родину, свое дело, об их труде и отдыхе, мечтах и свершениях.

Книга написана по социальному заказу издательства.